

Путешествие по маякам

АННА МИХАЙЛОВА

Работа над серией акварелей «Маяки Севера России» началась в 2012 г. Конечно, это произошло не просто так, а благодаря друзьям-путешественникам, которые вдохновили меня своими идеями и проектами. За несколько лет они организовали и провели множество путешествий — от коротких однодневных поездок к ближайшим маякам (например, Свирский на Ладоге, Толбухин в Финском заливе) до полноценных экспедиций по Белому и Баренцеву морям (Святоносский, Никодимский, Кашкаранцы и др). Зимой шли на лыжах по льду, летом — пешком, на лодках, на велосипедах; случалось лететь на вертолете и идти на яхте.

Конечно, из этих путешествий привозилось множество фотографий, но моя задача как художника заключалась в том, чтобы акварели с маяками появились еще до старта очередной экспедиции: с них мы печатали открытки. Кроме акварелей, я делала еще и рисунки: макеты штампов, которые затем вместе с открытками отправлялись на маяки. Штампы обычно там и оставались, а открытки рассылались в качестве сувенира из ближайшего к маяку почтового отделения.

Таким образом, начав с Толбухина маяка зимой 2012 г., я подготовила два десятка акварелей и рисунков, и эта серия, надеюсь, будет продолжаться. Помню, как я делала эту первую акварель: мне захотелось изобразить розовое морозное зимнее утро и путь к маяку среди торосов. Через пару недель, когда открытки были напечатаны и мы отправились в путь на лыжах по льду от Кронштадта, день выдался именно таким: странно и приятно было осознавать, что мы попали в придуманный мною пейзаж. На мая-

ке нас радушно встретил смотритель Александр Дуплищев (увы, он погиб во время шторма в мае 2014 г., когда возвращался из Кронштадта на остров), усадил за стол, накормил борщом, рассказал нам о своей работе, в том числе на других маяках, поставил автограф на наши открытки. Для меня это посещение Толбухина маяка было особенно важно, так как здесь до войны много лет работал мой прадед Сергей Павлов, которого я никогда не видела. Фантастическое ощущение — прикоснуться, в прямом и переносном смысле, к истории своей семьи, да еще и в такой особой атмосфере, ведь Толбухин — один из старейших маяков Финского залива — построен в 1719 г. по личному указанию Петра I.

Несколько слов скажу и о других маяках, где мне довелось побывать.

Створный знак на мысе Финнисет расположен неподалеку от российского поселка Баренцбург на Шпицбергене. Мыс — небольшой плоский треугольник суши, вдающийся на несколько сот метров в залив Грэнфьорд. Когда-то, в начальный период освоения Шпицбергена, здесь находилась китобойная база. В начале XX в. на мысе была установлена первая в Арктике норвежская радиостанция. Хотя ее давно нет, сохранились конструкции, на которых была раскреплена радиомачта. Кроме того, именно здесь началась шахтерская история Баренцбурга: некий предприимчивый норвежец, обнаружив на берегу фьорда месторождение каменного угля, застолбил участок и впоследствии продал его угледобывающей компании, которая начала строительство шахт и поселка. А в 1931 г. Советский Союз полностью выкупил Баренцбург со всей жилой и производственной инфраструктурой, и с тех пор здесь обосновался наш «Арктикуголь».

Еще один маяк, расположенный неподалеку от Баренцбурга, стоит на мысе Фестнинген, который протянулся узкой каменной стеной между Грэнфьордом и огромным, выходящим прямо в Гренландское море Исфьордом. Маяк небольшой, автоматический, но когда смотришь на его огонь из Баренцбурга в полярную ночь, зная и чувствуя, что на многие сотни километров за ним нет ничего, кроме холодных волн во тьме, он кажется средоточием тепла и жизни. Еще один интересный факт, связанный с этим местом: несколько десятилетий тому назад на обнажившемся в результате оползня вертикальном участке берега был обнаружен огромный след динозавра — отпечаток длиной почти полметра. Этот кусок породы был бережно отделен и переправлен в музей Лонгиербюена; а нашему баренцбургскому музею «Помор» достался специально изготовленный слепок с отпечатка.

Если продолжать двигаться из Баренцбурга мимо Фестнингена на запад, через несколько километров оказываешься у так называемого «Исфьорд-Радио» на мысе Линнея. Здесь много лет — с 1929 г. до конца XX в. — находилась норвежская радиостанция, которая обеспечивала связь весь архипелаг. С появлением спутниковой связи радиостанция прекратила свое существование, и здания используются как гостиница и ресторан, но маяк, показывающий вход в Исфьорд — главный обитаемый фьорд Шпицбергена — остался. Кроме того, функционирует почта, откуда можно отправить письмо или открытку. Самая же главная достопримечательность этого места — расположенный в паре километров отсюда, в устье ручья, вытекающего из озера Линнея, мыс Старостина. Мыс так назван в честь легендарного помора Ивана Старостина, который провел на Шпицбергене более 30 зимовок, из них 15 — подряд, не выезжая с архипелага. Хотя это было в начале XIX в., место, где стояла его изба, до сих пор можно опознать по остаткам бревен: в здешнем холодном климате дерево долго сохраняется. А рядом стоят норвежский и российский домики; сейчас они используются как своеобразные «дачи» постоянными жителями Лонгиербюена и Баренцбурга. Место здесь хорошее, живое и сытное: в устье ручья промышленляют нерпы, обычно можно увидеть с десятков круглых гладких головок, ныряющих за рыбой. А у берега озера, где, вероятно, погуще скудная ар-

Мыс Старостина

хическая растительность, пасутся олени. Неудивительно, что выдавший виды помор Старостин обосновался именно здесь: пресная вода, олени, нерпы, рыба — что еще человеку нужно для счастья!..

Поморы привезли на Шпицберген свой обычай ставить на берегу поклонные кресты; они служили не только напоминанием о вечном, но и навигационным знаком, ориентиром. Был такой поклонный крест и на мысе Старостина.

Любой маяк, конечно, — это не только особое строение с интересной историей, но мощный художественный образ и великолепный символ. Пожелаю себе и читателю, чтобы маяки в том или ином виде всегда присутствовали в нашей жизни.

Маяк на мысе Линнея